

— У секретаря Хуа еще есть дела, так что пусть меня лучше подвезет секретарь Гао. К тому же, у меня как раз есть кое-какие дела, и нам с секретарем Гао по пути. — Хуа Лин внезапно появилась из ниоткуда, прерывая Хуа Юна, который уже собирался ответить.

Хуа Юн слегка растерялся, не понимая, что задумала его младшая сестра Хуа Лин, но в итоге не стал ничего возражать.

— Да, у меня действительно еще есть дела. Спасибо за предложение, секретарь Гао. Тогда я пойду.

— Хорошо, секретарь Хуа, до свидания. — У Гао Ту тоже нашлось несколько вопросов к Хуа Лин.

— Мисс Лин, пойдете, машина приехала. — Гао Ту помог Хуа Лин открыть дверцу автомобиля, проявив мягкую и заботливую учтивость.

— Мне очень нравится секретарь Гао. Если вы не против завести со мной дружбу, вне работы можете звать меня просто А-Лин. — Какая же удача — получить возможность так близко прикоснуться к сюжету семейного достояния и при этом переселиться в книгу!

— Хорошо, А-Лин. То, о чём ты говорила сегодня, это...

— Это секрет, братец Гао Ту. Ты должен прочувствовать всё сам, я не могу говорить об этом больше. — Хуа Лин снова прервала Гао Ту, потому что дело, которое ей предстояло сделать, было гораздо важнее, и она не могла позволить себе навлечь наказание сюжетной силы за лишние откровения.

— Какая ты загадочная. — Гао Ту рассмеялся, с мягким и снисходительным терпением глядя на Хуа Лин, чьё поведение казалось ему ребяческим, точь-в-точь как у его младшей сестры Гао Цин. — Так ты только что сказала, что у тебя есть дела и вам с моим маршрутом по пути — неужели ты хотела мне что-то сказать?

— Неужели из-за того, что ты давно привык к куда более сильной боли, ты даже не заметил, как в салоне машины постепенно начал распространяться запах шалфея? — Хуа Лин изо всех сил старалась унять дрожь в голосе. Точно так же, как в прошлой жизни она не могла смириться с историей волка и кролика, сейчас её переполняла невыразимая, пронзительная жалость.

— Пожалуйста, припаркуй у обочины, нам нужно выйти пораньше.

Слова Хуа Лин испугали Гао Ту, и его и без того лишенное крови лицо стало еще бледнее.

— Я бета, А-Лин, ты, наверное, ошиблась...

Хуа Лин с напускной твердостью поддержала Гао Ту, помогла ему выйти из машины и усадила на бордюр цветочной клумбы у дороги.

Не успел Гао Ту договорить, как долго подавляемые феромоны хлынули наружу, выплескиваясь с такой силой, словно протестовали против того, что их хозяин десяток лет подряд скрывал их.

— Это новейший ингаляционный ингибитор номер девять корпорации Икс. — Хуа Лин поднесла лекарство к губам Гао Ту, не обращая внимания на его сложный взгляд.

— Не переживай, братец Вэньлан об этом не узнает. Как друг, я сохраню всё в тайне. — Словно получив какое-то подтверждение, Гао Ту расслабился и принял помощь Хуа Лин.

Феромоны вокруг Гао Ту постепенно успокоились, но многолетнее злоупотребление ингибиторами и обезболивающими нанесло серьезный удар по его здоровью. Этот период гонки вооружений — период течи — выдался нерегулярным, нестабильным и нахлынул с устрашающей мощью.

— Спасибо тебе, А-Лин.

— Мы друзья, тебе никогда не нужно быть со мной столь вежливым. Главное, чтобы ты был хоть капельку счастливее.

— Я вызвала машину, чтобы нас забрали, и отвезу тебя домой. Давай поговорим обо всем, когда тебе станет лучше. — Опираясь на помощь водителя, которого позвала Хуа Лин, Гао Ту сел в машину. Находясь в некотором тумане, он даже не заметил, как слегка задрожали руки Хуа Лин, как побледнело ее лицо, а на висках выступили капли пота.

Хуа Лин с трудом подавила подступивший к горлу соленый привкус крови.

— Братец Гао Ту, эту аптечку я оставляю тебе. Она тебе поможет.

— Внешнюю упаковку девятого номера я замаскировала под средство от астмы. Ингибирующие пластыри, ингибиторы, общеукрепляющие. А еще Микросвет — он используется для лечения тяжелых расстройств феромонов, примешь его, когда спадет жар.

— Это слишком ценно, я не могу это принять.

С самого детства он привык выживать в одиночку, после смерти матери взвалил на свои плечи огромные расходы на лекарства сестры, да еще и терпел отца Гао Мина, который вечно отбирал кровно заработанные им деньги ради азартных игр. Кроме Шэнь Вэньлана, он еще никогда не принимал от посторонних столь щедрой помощи.

— Братец Гао Ту, тебе не нужно чувствовать себя обязанным. Большинство из этих средств — новейшие разработки, за которые отвечаю я, они еще даже не поступили в продажу. Считай, что помогаешь мне тестировать препараты, ведь ты, братец Гао Ту, поистине прекрасный подопытный.

С легкой улыбкой на губах Хуа Лин наконец-то передала Микросвет в руки Гао Ту.

Не сумев отказаться, Гао Ту молча принял аптечку. Пусть препараты и были высочайшего качества, но годы истощения организма и боль в период течки невозможно было стереть в один миг.

И всё же для Гао Ту, который прежде терпел пробирающую до костей боль от мощных инъекционных ингибиторов и запрещенных обезболивающих, это было уже огромным облегчением.

— Братец Гао Ту, возвращайся и хорошенько отдохни. До встречи. Если что-то понадобится, пиши мне. — При первой же встрече Хуа Лин выпросила у Гао Ту контакты.

— Хорошо, сегодня я тебе очень благодарен, А-Лин. Тогда до встречи.

Двигаясь с трудом, словно его суставы заржавели, Гао Ту вернулся в свою тесную, просматриваемую насквозь съемную квартирку и рухнул на кровать. Ему предстояло провести на редкость безболезненный период течки, успев лишь наспех отпроситься у секретаря Цинь.

Вернувшись в отель Икс, Хуа Лин едва заперла за собой дверь и бросилась в ванные комнаты — выплескиваемый соленый вкус крови уже невозможно было сдержатъ, и раковина оказалась забрызгана кровью. Так мир наказывал Хуа Лин за чрезмерное вмешательство в судьбу Гао Ту.

Благодаря тому, что тело принадлежало местной уроженке, воля мира не пыталась насильно изгнать Хуа Лин из этого бытия, но карательные меры за недовольство следовали неизменно.

Хотя окружающие люди и подчинялись приказам Хуа Лин, стоило зайти речи о подобных проблемах со здоровьем, как об этом неминуемо узнал бы Хуа Юн. Именно поэтому Хуа Лин всегда тщательно всё скрывала.

— Как же больно, а ведь я больше всего на свете боюсь боли, — в голосе Хуа Лин прорезались слезы, а ее тело дрожало помимо ее воли. И всё же она из последних сил заставила себя сообщить Хуа Юну, что у нее есть дела и она ненадолго отлучится.

Хуа Лин совершенно не волновало, что станет с этой жизнью, — ее заботило лишь то, что она должна была сделать.